

УДК 930.850;39

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-3-539-548

Социокультурная эволюция восприятия русскими аборигенного населения Югры

М. Ф. Ершов

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
mfershov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье анализируются изменения в восприятии русским населением образов аборигенов Югры, которые были обусловлены исторической памятью, социокультурными процессами в ходе колонизации Сибири и особенностями мировосприятия наших предков.

Цель: раскрытие особенностей социокультурной эволюции образов населения Югры; достижение данной цели возможно при решении ряда значимых задач. Каким образом историческое прошлое обуславливало формирование образов коренного населения? Каковы были основные характеристики этих образов? Как именно и почему менялись образы югорского населения? И, наконец, насколько от исторической памяти зависит трансформация субъективного восприятия объективных реалий?

Материалы исследования: основаны на изучении письменных исторических источников о прошлом Югры и сопредельных ей территорий от средневековья до начала XX в.; предметом исследования выступили изменения в массовом восприятии этнических стереотипов; в качестве методологических оснований использованы достижения истории, имиджологии, социологии, антропологии и литературоведения.

Результаты и научная новизна: в статье осуществлен анализ генерации и социокультурной эволюции образов коренного населения Югры так, как они отражались в «европейском», «русском» сознании, зафиксированы изменения в их восприятии: постепенное смещение внимания от негативных и эсхатологических оценок к позитивным и привлекательным чертам. В тоже время сохранилось господство стереотипов, заданных прежним культурным опытом или привнесенных извне. Аборигены привычно воспринимались не вполне дееспособными субъектами, с инициированной извне активностью. К рубежу XIX-XX вв. отечественная мысль продолжала инверсионные перестановки в осознании аборигенов. Их образы, претерпев очередную трансформацию, так и не смогли вырваться из прежнего, хотя и видоизмененного мифического массива и достичь качественно иного соответствия с отображаемыми объектами.

Ключевые слова: восприятие, граница, идентичность, образ, пространство, стереотип, регион, Югра.

Благодарности: д.и.н. А. Г. Киселеву и всем исследователям, консультировавшим автора настоящей публикации.

Для цитирования: Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция восприятия русскими аборигенного населения Югры // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 539–548.

Sociocultural evolution of perception of the indigenous people of Yugra by the Russians

M. F. Ershov

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
mfershov@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article analyzes the changes in the perception in the Russian population of the images of aborigines of Yugra, which were due to the historical memory, socio-cultural processes during the colonization of Siberia and the peculiarities of the worldview of our predecessors.

Objective: to reveal the features of the sociocultural evolution of the images of the population of Yugra. The achievement of this objective is possible in solving a number of important tasks. How has the historical past led to the formation of indigenous population? What were the main characteristics of these images? How and why did

the images of the population of Yugra change? And finally, how the transformation of the subjective perception of objective realities depends on the historical memory?

Research materials: are based on the research of written historical sources about the past of Yugra and its adjacent territories from the Middle Ages to the early of XX century; the subjects of the research are changes in the mass perception of ethnic stereotypes; achievements of history, imagology, sociology, anthropology and literary criticism are used as methodological foundations.

Results and novelty of the research: the article analyzed the generation and sociocultural evolution of images of the indigenous population of Yugra as they were reflected in «European», «Russian» consciousness; fixed changes in their perception: gradual shift of attention from negative and eschatological assessments to positive and attractive features. In the same time, the dominance of stereotypes set by the previous cultural experience or introduced from the outside remained. Aborigines were habitually perceived as not quite capable subjects with externally initiated activity. To the turn of XIX–XX centuries the domestic thought continued inversion permutations in the awareness of aborigines. Their images, even though they underwent another transformation, have not been able to get out of the previous image and achieve qualitatively different compliance with presented objects.

Key words: perception, border, identity, image, space, stereotype, region, Yugra.

Acknowledgements: I express my gratitude to Doctor of Historical Sciences A. G. Kiselev and all researchers who consulted the author of this publication.

For citation: Ershov M. F. Sociocultural evolution of perception of the indigenous people of Yugra by the Russians // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2018; 8(3): 539–548.

Введение

Региональная идентичность связывается с восприятием социума, проживающего на конкретной территории. С одной стороны, региональные образы всегда есть некая фиксация объективных реалий. С другой же, они не являются неизменными зеркальными отображениями. Любые образы всегда связаны со стереотипами, они субъективны, активны и исторически изменчивы. Они имеют не только свою историю, но и предысторию. Соответственно, данное обстоятельство допускает постановку ряда проблем о закономерностях, которые обуславливают наше восприятие тех или иных общностей. На сегодняшний день актуальность данной проблемы не вызывает сомнений. Нам остро требуются навыки сопричастности и самоидентификации в быстро меняющемся мире социальных связей.

Целью публикации является раскрытие особенностей социокультурной и исторической эволюции образов жителей Югры. Достижение данной цели возможно при решении ряда значимых задач. Каким образом историческое прошлое обуславливало формирование образов коренного населения? Каковы основные характеристики этих образов? Как именно и почему менялись образы югорского населения? И, наконец, насколько от нашей исторической памяти зависит трансформация субъективного восприятия объективных реалий?

Материалы и методы

Методологическими основаниями для исследования образов аборигенного населения послужили достижения в сфере истории, имиджологии, социологии, антропологии и литературоведения. Реализация междисциплинарного подхода достигается при использовании трудов зарубежных гуманитариев. Известный социолог Ш. Н. Эйзенштадт рассматривал варианты интерпретации мира и коллективные идентичности [31]. Стереотипы в качестве социальной реальности изучались У. Липпменом [33]. Этнологи Р. Брубейкер и Ф. Купер известны рассмотрением свойств идентичности [30]. Культуролог Э. В. Саид через анализ литературных текстов реконструировал образ «чужого» [35]. Философом С. Кином разобраны отличительные черты образа врага [32]. Особое место занимают публикации о воздействии пограничного пространства на формирование образного ряда [11; 34]. В теоретическом багаже российских учёных также имеются работы, в которых затронуто изменение образов восточных соседей Средневековой Руси. К ним относятся труды И. Н. Данилевского [5], А. Л. Юрганова [27], А. А. Горского [3].

Немало исследований посвящено истории социокультурных воздействий на складывание региональных и этнических стереотипов. Характерными чертами научных трудов, в

частности, исследований Ю. Слёзкина, стало совмещение литературоведения и этнологии [22]. Сегодня множество учёных занято обобщением исторического опыта Сибири. Среди них выделяются теоретические наработки Е. В. Головневой, Н. Н. Родигиной и ряда других исследователей [2; 13; 14; 20; 21]. Важное место занимают изыскания Е. В. Переваловой, богатые фактическим материалом о жизни северных этносов и восприятии их образов [18]. Постепенно растёт количество публикаций об образах Югры [24]. К ним относится и наша предыдущая статья [7].

Результаты исследования

Проблема наблюдения за дописьменными народами считается одной из значимых в историко-этнографических исследованиях. Насколько наблюдатели в прошлом были в плену своих стереотипов? Известно, что для патриархальной культуры характерен негатив к человеку иной этнической и культурной принадлежности. Восприятие жителей средневековой Югры не было чем-то исключительным. В русском «Сказании о человеках незнаемых в восточной стране» коренные народы Сибири не представлены полноценными людьми. Это некие существа, близкие к зооморфным особям, со специфической анатомией: мохнатые по пуп или немые с ротовым отверстием на темени [19, 78]. Для русских они – пришельцы из почти потустороннего мира. Подобные контакты означали не просто выход за пределы обыденности. По мнению американского искусствоведа В. Митчелла, это – связи между человеческим и нечеловеческим [34, 15].

Данное обстоятельство вызывало настоятельную потребность какого-либо объяснения неизвестных ранее реалий и его последовательную инкорпорацию в привычное мировоззрение. Пример такого включения – использование русскими книжниками так называемого «Откровения» Мефодия Патарского [10, 10–16, 142–143]. В первом летописном упоминании о Югре новгородец Гюрята Рогович направляет своего отрока на реку Печору. По сведениям последнего, за Печорой находилась Югорская земля, ещё далее – Самоядь. Этому же отроку Югра якобы сообщила о неведомых народах и даже описала место встречи и осо-

бенности контакта: горы, упирающиеся в луку морскую, оконце в горах, из которого люди подают знаки, прося железа. Краткие сведения о мифических людях послужили для летописца основанием соотнести их с библейскими народами Гог и Магог, якобы заключёнными в горах по Божьему повелению до времен Апокалипсиса.

«Летописец не писал о том, что эти народы вот-вот спустятся с гор и наступит главное событие в истории человечества. Но об этом событии уже думают древнерусские люди, оно вошло в систему ценностных ориентаций и волнует своей предопределённостью» – замечает известный исследователь А. Л. Юрганов [27, 249]. Он же акцентирует внимание на эсхатологических ожиданиях и перевоплощениях концепта «правда» и его соотношении с другим концептом: «христианской верой». По мнению книжников, в православных государствах, в ряде случаев, вера оставалась, а вот правды могло и не быть [22, 32].

Данная идеологема не была только умозрительной книжной конструкцией. Её истолкование имело и нравственные параметры. Оно позволяло человеку оценить виновность собственного этноса, равно как и его агрессивных соседей. Если в государстве отсутствует «правда», то Божье возмездие, осуществляемое руками нечистых народов, будет закономерным и неотвратимым. Противиться же ему бессмысленно и греховно. Не случайно, что историк И. Н. Данилевский, при анализе летописей, посвященных ордынскому покорению, приходит к категоричному выводу: «судя по ранним летописным повестям о нашествии Батые, на русских землях, завоеванных ордынцами, преобладали настроения, которые никак не могли способствовать организации сколько-нибудь масштабного отпора захватчикам. Широкое распространение эсхатологических ожиданий, видимо, сыграло далеко не последнюю роль в “снижении обороноспособности страны”» [5, 169].

Более того, в русских летописях признавалась легитимность ордынских царей. Разрыв с этой традицией, признание царей «безбожными» осуществились достаточно поздно, только в 70-е гг. XV в., накануне свержения ордынского ига [3, 169–173]. Начало негативного восприятия Орды совпало с возвеличиванием Москвы

как Третьего Рима, что не было случайно. Уничжительное отношение к «безбожным царям» распространялось и на их подданных, на всех «татар», как собирательный этноним нехристианских народов, живущих к востоку от России. После свержения ордынского ига усилилось русское колонизационное, по сути – в цивилизационном аспекте, возвратное, движение на восточные территории. Оно поставило перед книжниками дополнительные проблемы. Кто они такие – «инородцы» и допустима ли их христианизация? Является ли осваиваемая территория за Уралом частью Святой Руси? Возможна ли безгреховная жизнь для христиан на языческой территории и среди язычников?

Ответы на данные вопросы в первоначальных вариантах, несомненно, были отрицательными. Их программировали эсхатологические ожидания и страхи перед «безбожными» чужаками. Рудименты таких представлений оказались весьма устойчивыми и сохранились до наших дней. Так, например, длительное время продолжались (в фолкхистори и до сего дня) поиски мест заключения мифических народов и их генетических связей с конкретными, в том числе и угорскими, этносами. Последняя значимая попытка осуществлена в религиозной книге «Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса». В книге к потомкам Гога и Магога причислен ряд современных народов. Традиционно, хотя и бездоказательно, авторство книги приписывают о. Иоанну Кронштадтскому [9, 61–62].

Новые места жительства, не обладая всеобъемлющей святостью, оказались лишены религиозного ореола. Они были полны греха, «обасурманены», более того, их сакральные свойства имели отрицательное значение. По средневековым воззрениям именно за Уралом были заключены библейские «нечистые» народы Гог и Магог. Не случайно, что Урал, как маргинальная зона, находящаяся на грани цивилизованного мира, представлялся людьми того времени как край чудес. Это был вход в преисподнюю – ни больше, ни меньше [12, 89–92]. Итогом такого восприятия осваиваемых пространств было сужение сферы действия христианских норм, необязательность их строгого исполнения.

«Процесс первоначального этапа колонизации Сибири – замечает петербургский исследователь М. Р. Маняхина, – сопровождался духовно-нравственным падением первопроходцев. Институт государственной власти на первоначальном этапе не обеспечивал регуляцию важнейших систем функционирования сибирского общества, что предоставило первым поселенцам полную свободу во всех сферах их жизнедеятельности – от интимной до общественной. Это объяснялось также рядом обстоятельств субъективного характера. Многие первопроходцы были носителями сомнительных морально-нравственных ценностей. Они по-своему трактовали такие понятия как долг, стыд, честь, совесть» [14, 33].

Широко известна «грубость нравов» первых переселенцев, их жестокость по отношению к аборигенному населению [4]. С другой стороны, публичное признание греховности расширяло возможности для межэтнических контактов. Между пришельцами и аборигенами, согласно логике всеобщей греховности, отсутствовали принципиальные различия. Данное обстоятельство содействовало общей веротерпимости и аккультурации. Психические особенности пребывания религиозного человека среди иноверцев раскрыты А. Л. Юргановым на примере исканий купца Афанасия Никитина, участвующего на чужбине в мусульманских религиозных обрядах: «“Вера христианская” не стала ещё автономной частью существования человека. Она требовала ежедневного подтверждения причастности <...>» [27, 37].

Светский вариант такого «перевернутого» поведения продемонстрировали в Новом Свете участники знаменитого Бостонского чаепития 1773 г., переодетые индейцами племени мохок. Как считают американские исследователи, маскарад с индейцами был вызван сходством между угнетенными аборигенами и белыми колонистами, страдающими от гербового сбора [29, 85]. По нашему мнению, аналогии были несколько иные. Образы «дикарей»-язычников прикрывали и оправдывали грехи самих колонистов, уничтоживших частную собственность – чай. При использовании маскарада с ряжеными «индейцами», преступное деяние как бы исчезало, оно оказывалось условностью, превращалось в фикцию.

Видимо, точно также, умалчиванием, оправдывали злоупотребления в Сибири сборщики ясака, русские торговцы и чиновная администрация. Табуированность сознания переселенцев, их нравственный релятивизм не могли существовать бесконечно долго. Для изживания негатива требовалось признание осваиваемой территории родиной и противопоставление колонизируемой Сибири покинутой Европейской России. Хозяйственные успехи заставляли пришельцев создавать условия для формирования собственного внутреннего психического комфорта.

Эти процессы были долговременны, осуществлялись не разово, простираясь от храмов (святых мест) к городам, от городов к сельской местности. «Святые места в дикой местности привлекали создавали святых людей, а святые люди, в свою очередь создавали святые места» [11, 200]. Со временем ареал святости распространился и на всю Сибирь. Предположительно это произошло в середине XVII в. ко времени С.У. Ремизова. При этом христианская святость затрагивала не столько людей, сколько территорию. Особенность христианской миссии у московских агентов заключалась в том, что «они придерживались программы *христианизации без обращения*» – замечает исследовательница В. Кивельсон [11, 203].

Мифическая Святая Русь была не столько конкретным социумом, сколько пространством, облагороженным деятельностью одиночных святых, храмами и монастырями. Жизнь большинства русских в Сибири мало соответствовала этим церковным канонам, что, впрочем, вполне соотносилось с эсхатологическими ожиданиями и самосожжениями старообрядцев. Исключение аборигенов из сакрального пространства – яркое свидетельство сохранения образов народов Гог и Магог, заключённых в пустыню. Однако пространство этой мифической пустыни, предвестия грядущего Апокалипсиса, неумолимо сокращалось, а сама она оказалась расщеплена на множество дискретных частей.

До Петра Великого массовые крещения аборигенов Сибири отсутствовали. Цивилизационный раскол России, порожденный реформами этого царя, вызвал множество отдалённых последствий. Одним из них стало

изменение отношения к аборигенам. Установка Петра на их быстрое массовое крещение предполагала насильственный «взлом» культурной изоляции. Извне Россия открывала себя Европе. Изнутри она открывала аборигенов Сибири. В «Кратком описании о народе остяцком» Г. Новицкий заявляет о своей цели: «повелением вышней власти преодоленно Остяцкую сию страну известну явити миру. Егда прежде тмою неверия кумирслужения помраченную видевши, ныне же просвещенную светом истинным евангельской и толикой сему благодати божьей, светлое явися познание <...>» [15, 35]. Его сочинение построено на личных впечатлениях и провиденциалистских толкованиях событий [6, 258]. Отличие от средневекового мышления – исторический оптимизм автора, как и его вера в благодетельность просвещения и христианства.

Декларируемое включение остяков и вогулов, равно как и других этносов, в число христианских народов почти не изменило их верований или привычного хозяйственного уклада. Произошло иное – переосмысление привычных образов. Европейский рационализм, в особенности эпоха Просвещения, редуцировали негативные оценки народов Сибири. Негатив к аборигенам в значительной мере миниатюризировался. Так у академика И. Г. Георги, при описании остяков и вогулов, критические замечания присутствуют применительно к их семейно-бытовой и обрядовой сферам. Из характеристики аборигенного населения исчезает предикат «безбожные», который заменяется менее экспрессивным словом «суеверие» [1, 61–74].

Наблюдателями постоянно подчеркивается, что у аборигена имеются не только религия, но хорошие нравственные качества. По их мнению, негативные явления в туземной среде вызваны «страстностью», пьянством. Ярким примером подобных оценок являются «Краткие записки о жителях Березовского уезда», опубликованные в 1871 г. [26]. Новые образы в долгосрочной перспективе оказались способными воздействовать на трансформацию как наблюдателей, так и носителей. Аборигены начали постоянно сравниваться с русскими и – самое главное – наблюдатели теперь соотносили их жизнь с христианскими идеалами и уровнем европейской цивилизованности.

Займствованная извне идея прогресса содействовала угасанию эсхатологических ожиданий.

В сборнике «Сибирь в составе Российской империи» утверждается, что правительство рассматривало распространение православия среди нерусских народов как общегосударственную политику их «обрусения» и приравнивания к правам крестьянского сословия: «Официальные материалы и воспоминания современников свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских «инородцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием» [23, 219]. Соответственно, аборигенами усваивались особенности менталитета русского крестьянства. Хорошо известно, что, по представлениям людей традиционной культуры, дворяне и чиновники после Петра I оказались «обасурманены». Они, получив европейское образование, утратили ценностные православные ориентиры, а в привычном, долгосрочном понимании – «правду и веру».

Это отобразилось и в интеллигентском сознании, которое существовало на стыке европейской образованности и народной культуры. Оно также проверяло различные социальные страты на соответствие своим идеалам. Так, в частности, отечественная интеллигенция обсуждала метисацию аборигенного и русского населения Сибири. Процессы взаимной аккультурации нередко оценивались негативно. По мнению Н. М. Ядринцева, «славянская раса при смешении своем с инородцами нередко оказывала весьма слабое влияние и терпела в своих качествах; отсюда явилось вырождение русской народности, но рядом с этим нельзя было не заметить в других случаях, что русская народность, ассимилируя инородческие племена, приобретает не одни отрицательные признаки, но и разнообразит свои способности» [28, 184].

Священник П. Закомельский в «Тобольских епархиальных ведомостях» отметил в 1898 г. жадность русских торговцев и множество положительных черт аборигенов. По его мнению, «остяк нравственно ближе стоит к христианству, чем к язычеству, и религиозно он недалек от христианских истин» [8, 221]. Ещё более последовательным в своих умозаключениях оказался К. Д. Носилов. В его книге

«На Новой Земле» фиксируются мифические рассказы аборигенов о их встречах со Святым Николаем и случаи ясновидения и предсказаний будущего. При этом писатель делает поразительный вывод: «Кто знает, читатель, быть может, мы с вами, живя среди довольства, роскоши, родных, друзей, по самому содержанию нашей жизни, не можем читать тех заповедных страниц книги природы, которые открыты этим дикарям... Кто знает читатель, быть может, эта чистая душа дикаря и его детство привлекают к нему того, кто, кто всю жизнь приходил к погибающим и обремененным, и он приходит и теперь к тем, кто действительно предоставлен самому себе в этой суровой обстановке жизни, кто действительно способен верить и молиться... Как много мы еще не знаем в природе. Но это еще ничего: досадно то, что мы так уверены в себе, так слепы ко всему подобному... И мы будем всегда такими, потому что не имеем такой чистой души как этот дикарь, не умеем верить и молиться...» [16, 55].

Интересно, что для писателя отсутствовало лобовое противопоставление между аборигенами с их наполовину языческими, наполовину христианскими представлениями и официальным православием. В обоих случаях подлинная вера означала свободное присутствие на территории чудес. «Странный народ, странная жизнь, странные верования, – размышлял К.Д. Носилов о религиозных представлениях коренных жителей Конды. – Но я думаю, что эта странность многое потеряет, если мы, отбросив свои предвзятые взгляды, просто заглянем глубже в нашу жизнь. Вглядимся в некоторые странные случаи из нашей жизни, в которых нельзя не найти чего-то такого, что уже знакомо тем детям природы, которых мы называем дикарями...» [17, 23].

Обсуждения и заключения

Вера в неиспорченного «дикаря», живущего в чудесном природном мире, противостоящем греховной цивилизации, содействовала возвышению новых образов аборигенов. Ранее у нерусского населения Сибири, воспринимаемого как орудие Божьего гнева, отрицались моральные качества, теперь же, напротив, за ним признавалась нравственность, недостижимая

для цивилизованного человека. Для образованной личности, в соответствии, как с Библией, так и социалистической доктриной, низы общества, и в их числе якобы наивные, но верящие в Бога, аборигены Сибири, стали объектами вероятного спасения. Дело оставалось за «немногим»: совестливый пастырь (в церковном или светском вариантах) был обязан действовать, защищая угнетённые «инородческие» низы.

С давних времён подразумевалось, что путь, «ведущий к народному благу, непосредственно народом не осознаётся и самостоятельно им быть пройден не может» [25, 154]. Соответственно, не требовалось утруждать себя «неудобными» вопросами о том, насколько сами аборигены желают участвовать в радикальных преобразованиях. Они по-прежнему воспринимались не вполне дееспособными субъектами, с инициированной извне активностью. На место Бога встали иные силы,

как и ранее претендующие на «открытие» и последующее насильственное использование потенциала народов Сибири.

Светская интеллигенция, противостоящая власти, была ориентирована на искоренение социальной несправедливости, без каких-либо национальных исключений. Регенерация старинных «веры и правды» означала тотальную неотвратимость наказания в этой жизни (реализация Апокалипсиса), причём без участия божественных сил. Исходя из рудиментарного понимания евангельских притчей (Мф. 19: 30: «будут первые последними, и последние первыми») отечественная мысль продолжила инверсионные перестановки в осознании аборигенов. Их образы, претерпев очередную трансформацию, так и не смогли вырваться из прежнего, хотя и видоизменённого мифического массива и достичь качественно иного соответствия с отображаемыми объектами.

Список источников и литературы

1. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. О народах финского племени, известных по истории российской под общим именем Руссов. СПб.: Императорская академия наук, 1799. 76 с.
2. Головнева Е. В. Регулятивный компонент региональной идентичности: стратегии, ориентации и практики в Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. № 4 (170). С. 144–151.
3. Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 214 с.
4. Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану о нехватке и бедности духовенства в Сибири, о притеснениях воевод, подьячих, служилых и других неправдах // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. С. 178–181.
5. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.
6. Демин М. А. Историописание и проблема превращения исторических знаний в науку // Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 248–265.
7. Ершов М. Ф. На пороге Сибири: социокультурная трансформация образов Югры // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 329–337.
8. Закомельский П. К вопросу о религиозно-нравственном состоянии остяков // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. Екатеринбург: Баско, 2007. С. 216–221.
9. Иоанн Ильичев Сергиев (Кронштадтский). Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса. М.: Локид-пресс, 2008. 415 с.
10. Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М.: Университетская тип., 1897. 541 с.
11. Кивельсон В. Картография царства. Земля и её значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
12. Липатов В. Конец света: Уральский край в фольклоре и литературе // Родина. 2003. № 9. С. 89–92.
13. Майорова О. Маркеры русскости в имперском пространстве: парадоксы рассказа Н. С. Лескова «На краю света» // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 45–59.
14. Маняхина М. Р. Девиантные проявления в нормативной сфере культуры Сибири в начале XVII в. как предпосылки учреждения Тобольской епархии // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья в XVII – XIX вв.: мат. межрегион. научн. конф. Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2004. С. 33–39.

15. Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск: Новосибгиз, 1941. 107 с.
16. Носилов К. Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
17. Носилов К. Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.
18. Перевалова Е. В. «Красная» колонизация Обского Севера: революционные преобразования и этничность (1917–1930-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 125–133.
19. Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., Ньютонвилль: Археографический центр, 1993. 160 с.
20. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
21. Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: Оттиск, 2013. 180 с.
22. Слёзкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
23. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
24. Трахтенберг А. Д. «Югра же людье есть язык нем»: опыт исторического анализа дискурса // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2005. № 6. С. 290–312.
25. Черников М. В., Перевозчикова Л. С. Категории «правда» и «истина» в русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 141–157.
26. Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда. М.: Общество истории и древностей российских при Москов. ун-те, 1871. 21 с.
27. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2009. 368 с.
28. Ядринцев Н. М. Сочинения: Т. 2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.
29. Якушенков С. Н. Семантическое разнообразие образов индейца в Новой Англии в XVII в. // Журнал фронтирных исследований. 2017. № 3. С. 82–98.
30. Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity” // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. №1. S. 1–47.
31. Eisenstadt S. N. Modernity and the construction of collective identities // *International Journal of Comparative Sociology*. 1998. Vol. 39. No 1. S. 138–158.
32. Keen S. *Faces of the Enemy. Reflections on Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row, 1986. 199 p.
33. Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Filiquarian Publishing, LLC., 2007. 127 p.
34. Mitcell W.J.T. *Imperial Landscape // Landscape and Pover*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. S. 5–34.
35. Said E.W. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979. 367 p.

References

1. Georgi I. G. *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov. Ch. 1. O narodakh finskogo plemeni, izvestnykh po istorii rossiyskoy pod obshchim imenem Russov* [Description of all people living in Russian state. Part 1. About the people of the Finnish tribe, known on history of Russia under the common name of Russes]. Saint-Petersburg: Imp. akademiya nauk Publ., 1799. 76 p. (In Russian)
2. Golovnyova E. V. *Regulyativnyy komponent regional'noy identichnosti: strategii, oriyentatsii i praktiki v Sibiri* [Regulatory component of regional identity: strategies, orientations and practices in Siberia]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki* [Izvestia Ural Federal University. Series 3. Social sciences], 2017, no. 4 (170), pp. 144–151. (In Russian)
3. Gorsky A. A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 214 p. (In Russian)
4. *Gramota tsarya Mikhaila Fedorovicha arkhiepiskopu Kiprianu o nekhvatke i bednosti dukhovenstva v Sibiri, o pritesneniyakh voyevod, pod'yachikh, sluzhilykh i drugikh nepravdakh* [Charter of Tsar Mikhail Fyodorovich to Archbishop Cyprian about the shortage and poverty of the clergy in Siberia, about the oppression of the governor, clerks, servants and other untruths]. *Tobol'skiy arkhiyereyskiy dom v XVII veke* [Tobolsk Bishop's House in XVII century]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf Publ., 1994. pp. 178–181. (In Russian)
5. Danilevsky I. N. *Russkiye zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.)* [Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (XII–XIV centuries)]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2001. 389 p. (In Russian)

6. Demin M. A. *Istoriopisaniye i problema prevrashcheniya istoricheskikh znaniy v nauku* [Historiography and the problem of the transformation of historical knowledge into science]. *Terminologiya istoricheskoy nauki. Istoriopisaniye* [Terminology of historical science. Historiography]. Moscow: IVI RAN Publ., 2010. pp. 248–265. (In Russian)
7. Ershov M. F. *Na poroge Sibiri: sotsiokul'turnaya transformatsiya obrazov Yugry* [At the edge of Siberia: the sociocultural transformation of the images of Yugra]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 2, pp. 329–337. (In Russian)
8. Zakomelsky P. *K voprosu o religiozno-nravstvennom sostoyanii ostyakov* [To the question about the religious and moral state of the Ostyaks]. *Pravoslaviye na Ob'-Irtyshtskom Severe: materialy k istoriko-kul'turnomu atlasu* [Orthodoxy in the Ob-Irtysh North: materials to the historical and cultural atlas]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2007. pp. 216–221. (In Russian)
9. Ioann Ilichev Sergiyev (Kronshtadtskiy). *Nachalo i konets nashego zemnogo mira. Opyt raskrytiya prorochestv Apokalipsisa* [The beginning and the end of our earthly world. The experience of disclosure of prophecies of the Apocalypse]. Moscow: Lokid-press Publ., 2008. 415 p. (In Russian)
10. Istrin V. *Otkroveniye Mefodiya Patarskogo i apokrificheskiye videniya Daniila v vizantiyskoy i slavyano-russkoy literaturakh. Issledovaniye i teksty* [Revelation of Methodius of Patar and apocryphal visions of Daniil in the Byzantine and Slavonic-Russian literatures. Research and texts]. Moscow: Universitetskaia tip. Publ., 1897. 541 p. (In Russian)
11. Kivelson V. *Kartografiya tsarstva. Zemlya i yeyo znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartography of the kingdom. Earth and its meanings in Russia in XVII century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 360 p. (In Russian)
12. Lipatov V. *Konets sveta: Ural'skiy kray v fol'klоре i literature* [The end of the World: Ural lands in folklore and literature]. *Rodina* [Homeland], 2003, no. 9, pp. 89–92. (In Russian)
13. Mayorova O. *Markery russkosti v imperskom prostranstve: paradoksy rasskaza N.S. Leskova «Na krayu sveta»* [Markers of Russianness in the imperial space: the paradoxes of the story of N. S. Leskov «At the End of the World»]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2017, no. 2 (144), pp. 45–59. (In Russian)
14. Manyakhina M. R. *Deviantnyye proyavleniya v normativnoy sfere kul'tury Sibiri v nachale XVII v. kak predposylki uchrezhdeniya Tobol'skoy yeparkhii* [Deviant manifestations in the normative sphere of Siberian culture in the beginning of the XVII century as prerequisites for the establishment of the Tobolsk Diocese]. *Deyateli sotsial'no-ekonomicheskoy, obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Urala i Zaural'ya v XVII–XIX vv.: mat. mezhregion. nauchn. konf.* [The figures of the socioeconomic, sociopolitical and spiritual life of the Urals and the Trans-Urals in the XVII–XIX centuries: Proceedings of the interregional scientific conference]. Kurgan: Izd-vo Kurgan. un-ta Publ., 2004. pp. 33–39. (In Russian)
15. Novitskiy G. *Kratkoye opisaniye o narode ostyatskom. 1715* [Brief description of the Ostyak people. 1715]. Novosibirsk: Novosibgiz Publ., 1941. 107 p. (In Russian)
16. Nosilov K. D. *Na Novoy Zemle. Ocherki i nabroski* [On the New Land. Essays and sketches]. Tyumen: SoftDesign Publ., 1997. 368 p. (In Russian)
17. Nosilov K. D. *U vogulov: Ocherki i nabroski* [Among the Voguls: Essays and sketches]. Tyumen: SoftDesign Publ., 1997. 304 p. (In Russian)
18. Perevalova E. V. *«Krasnaya» kolonizatsiya Obskogo Severa: revolyutsionnye preobrazovaniya i ehtnichnost' (1917–1930-e gg.)* [«Red Colonization» of the Ob North: revolutionary transformations and ethnicity]. *Uralskiy istoricheskij vestnik* [Ural historical journal], 2009, no. 2 (23), pp. 125–133. (In Russian)
19. Pliguzov A. I. *Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh* [A text-centaur about the Siberian Samoyeds]. Moscow; Newtonville: Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1993. 160 p. (In Russian)
20. Rodigina N. N. *«Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noj presse vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [«Other Russia»: the image of Siberia in the Russian magazine press in the second half of XIX – beginning of XX centuries]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU Publ., 2006. 343 p. (In Russian)
21. Rozhanskiy M. Ya. *Sibir kak prostranstvo pamyati* [Siberia as a space of memory]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2013. 180 p. (In Russian)
22. Slezkine Yu. *Arkticheskie zerkala. Rossiya i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small people of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 512 p. (In Russian)
23. *Sibir v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as a part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 368 p. (In Russian)

24. Trakhtenberg A. D. «Ugra zhe lyud'e est' yazyk nem»: opyt istoricheskogo analiza diskursa [«Ugra zhe lyud'e est' yazyk nem»: the experience of historical analysis of the discourse]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Scientific yearbook of the Institute of philosophy and law of Ural Branch of the RAS], 2005, no. 6, pp. 290–312. (In Russian)
25. Chernikov M. V., Perevozchikova L. S. *Kategorii «pravda» i «istina» v russkoy kulture* [Categories «true» and «truth» in Russian culture]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2015, no. 2, pp. 141–157. (In Russian)
26. Shavrov V. N. *Kratkiye zapiski o zhitelyakh Berezovskogo uyezda* [Short notes about the residents of Beryozovsky Uyezd]. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskov. un-te Publ., 1871. 21 p. (In Russian)
27. Yurganov A. L. *Kategorii russkoy srednevekovoy kultury* [Categories of Russian medieval culture]. Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2009. 368 p. (In Russian)
28. Yadrintsev N. M. *Sochineniya: T. 2. Sibirskiye inorodtsy, ikh byt i sovremennoye polozheniye* [Compositions: Vol. 2. The Siberian allogenes, their way of life and current state]. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki Publ., 2000. 336 p. (In Russian)
29. Yakushenkov S. N. *Semanticheskoye raznoobraziye obrazov indeytisa v Novoy Anglii v XVII v.* [Semantic diversity of images of an Indian in New England in the XVII century]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2017, no. 3, pp. 82–98; 2018, no. 1, pp. 91–120. (In Russian)
30. Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity». *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. №1. pp. 1–47. (In English)
31. Eisenstadt S. N. Modernity and the construction of collective identities. *International Journal of Comparative Sociology*. 1998. Vol. 39. No 1. pp. 138–158. (In English)
32. Keen S. *Faces of the Enemy. Reflections on Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row, 1986. 199 p. (In English)
33. Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Filiquarian Publishing, LLC., 2007. 127 p. (In English)
34. Mitcell W. J. T. *Imperial Landscape. Landscape and Pover*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. pp. 5–34. (In English)
35. Said E. W. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979. 367 p. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ершов Михаил Фёдорович, заведующий отделом истории и этнологии, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14 А), кандидат исторических наук.
mfershov@mail.ru.
ORCID 0000-0002-8518-4368

ABOUT THE AUTHOR:

Ershov Mikhail Fyodorovich, Head of the Department of History and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14 A), Candidate of Historical Sciences.
mfershov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8518-4368